

ФРАНЦ
БЕНГТССОН

РЫЖИЙ ОРМ

ПУТЬ ВИКИНГА

Франц Бенгтссон

Рыжий Орм. Путь викинга

«Алисторус»

1941

УДК 82-94
ББК 85

Бенгтссон Ф. Г.

Рыжий Орм. Путь викинга / Ф. Г. Бенгтссон — «Алисторус»,
1941

Это самый известный «викингский роман», золотая классика жанра. Захватывающий рассказ невероятных приключениях Рыжего Орма – его пленении, рабстве у халифа Кордовы, работе гребцом на галерах, принятии христианства, освобождении, женитьбе на дочери конунга Харальда и под конец – поиске клада у днепровских порогов. Франц Бенгтссон (1894–1954) – один из самых известных шведских писателей первой половины XX века. Автор целого ряда исторических произведений, Бенгтссон больше всего известен своим циклом романов об отважном викинге – Рыжем Орме. Этот авантюрный роман, полный сцен сражений и невероятных приключений, будет интересен всем кто интересуется славной эпохой викингов.

УДК 82-94
ББК 85

© Бенгтссон Ф. Г., 1941
© Алисторус, 1941

Содержание

Песня датских женщин	6
Пролог. Каково пришлось бритоголовым в Сконе во времена конунга Харальда Синезубого	7
Путешествие по западным морям	9
Часть 1. Долгое путешествие	9
Глава 1. О бонде Тосте и его домочадцах	9
Глава 2. Об отплытии Крока и о том, как Орм отправился в свое первое путешествие	12
Глава 3. О том, как они поплыли на юг и как нашелся хороший провожатый	16
Глава 4. О том, как люди Крока прибыли во владения Рамироса и посетили стоящее место	21
Глава 5. О том, как Кракова удача дважды переменилась, а Орм сделался левшой	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Франц Гуннар Бенгтссон

Рыжий Орм. Путь викинга

© Чевкина Е. М, Чеснокова Т. А., перевод со швед., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Песня датских женщин

Кто та женщина, которую ты покинул,
Ты покинул свой дом, и очаг,
Для того, чтобы уйти с седой старухой, создательницей вдов?
У нее нет дома, в котором можно уложить гостей,
Только одна холодная постель на всех,
Где гнездятся бледное солнце и заблудшие ледяные горы.
У нее нет сильных белых рук, чтобы обнимать тебя,
Но у нее множество цепких водорослей, чтобы держать тебя
На тех камнях, куда тебя прибило приливом.
Но когда приблизится лето,
И растает лед и почки набухнут на березах,
Ты покинешь нашу сторону и заболеешь.
Заболеешь вновь криком и резней,
Ускользнешь поближе к плеску волн,
Где ладья твоя стоит всю зиму.
Ты забудешь наше веселье и застольные беседы,
И корову в стойле и лошадь на конюшне —
Для того, чтобы стать на ее стороне.
А потом поплывешь ты туда, где бушуют шторма,
И удаляющийся звук твоих весел, ударяющих об воду,
Будет единственным, что останется нам на долгие месяцы.
Так кто же та женщина, которую ты покинул,
Как покинул свой дом и очаг,
Для того, чтобы уйти с седой старухой, создательницей вдов?

Редьярд Киплинг

Пролог. Каково пришлось бритоголовым в Сконе во времена конунга Харальда Синезубого

Немало беспокойных людей подалось из Сконе вслед за Буи и Вагном, но не было им удачи в заливе Хьорунгаваг; иные же пустились за Стюрбьёрном в Упсалу и пали там с ним вместе. Когда на родине узнали, что немногим женам ждать своих мужей обратно, то сложены были песни скорби и воздвигнуты поминальные камни, после чего все разумные люди сошлись во мнении, что это наилучшее из всего, что случилось, ибо теперь мира будет побольше, чем прежде, а силой отнимать нажитое станут, пожалуй, пореже. Наступили обильные годы, и рожью, и сельдью, и другое все ладилось; но некоторые сочли, что хлеба наливаются чересчур медленно, и отправились с оружием в Англию и Ирландию; поход их удался, и многие там остались.

Тут бритые люди принялись наведываться в Сконе, и из края саксов, и из Англии, чтобы проповедовать учение Христа. Они рассказывали много всякого, и народ поначалу удивлялся и слушал их охотно; а женщины с радостью принимали от чужеземцев крещение и белую сорочку в подарок. Но скоро у пришельцев все сорочки вышли; а народ перестал слушать их проповеди, потому что те оказались скучными и мало похожими на правду; к тому же проповедники разговаривали на ломаном языке, выученном не то в Хедебю, не то на западных островах, и маловразумительно, как дети.

Потому и дела с крещением шли слабо; и вот эти бритые, что много говорили о мире, а сами более всего распалялись враждой к чужим богам, были однажды схвачены верующими людьми и повешены на священных ясенях и пронзены стрелами и преданы птицам Одина. Другие же, что подались на север, в леса Гёинге, где вера была послабее, встречены были с радостью, связаны и отправлены на рынки Смоланда и обменяны там на быков и бобровый мех. Некоторые пленники в рабстве у смоландцев снова отрастили волосы и сделались недовольны Иеговой и работали хорошо; но прочие предпочли по-прежнему сокрушать богов и крестить женщин и детей, вместо того чтобы ломать камень и молоть зерно, и причиняли своим хозяевам такую досаду, что геингцам не давали уже и пары смоландских бычков-трехлеток за превосходного священника без придачи – соли либо сукна. Худая слава тогда ходила о бритых по всей округе.

Однажды летом пошел слух по всей Датской державе, будто король Харальд Синезубый сам принял новую веру. В молодые годы он было ее отрекся, но вскоре обратился в истинную религию; теперь же будто обратился всерьез. Потому что король Харальд был уже стар и его давно мучили боли в спине, отчего мало радости имел он от пива и женщин; и хитроумные епископы, посланные кесарем, растирали его медвежьим жиром во имя святых апостолов и заворачивали в овчины и поили благословенными отварами вместо пива и выводили крест меж лопаток и читали над ним молитвы, выгнав из него многих дьяволов, покуда боли не отпустили и король не окрестился.

Притом божьи люди посулили, что его поразят еще худшие несчастья, если он возвратится к кровавым жертвоприношениям или окажется нетверд в новой вере. Тогда король Харальд, который вновь сделался бодр и смог взять себе молодую мавританскую рабыню, присланную в знак дружбы Олофом с Самоцветами, конунгом в Корке, повелел всему народу креститься; и хотя такие речи казались странными в устах потомка самого Одина, многие подчинились его приказаниям, потому что правил он уже долго и удачливо и оттого в стране к нему прислушивались. Он установил самую строгую кару для тех, кто подымет руку на священника; так что в Сконе число крещеных росло, и на холмах строились церкви; а к старым богам уж и не обращались, разве что в море или когда захворает скотина.

Только в Гёинге надо всем этим много потешались. Потому что людям порубежных лесов смеяться куда легче, чем рассудительным жителям пахотных земель; а больше всего там смеялись над королевским приказом. В тех местах чья-либо власть редко простиралась дальше собственной руки, а от Йеллинге до Гёинге долг путь и для величайшего из королей. В стародавние дни, при Харальде Боезубе и Иваре Широкие Объятия, да и прежде того, короли отправлялись в Гёинге охотиться на зубров в тамошних густых лесах, и редко когда по другому делу. Когда зубров не стало, кончились и королевские гостины; и когда теперь какой-нибудь король гневался на непокорство и малую дань и грозился явиться туда, то получал обыкновенно ответ, что зубров в окрестностях не замечено, но буде таковые объявятся, то милости просим в гости. Потому издавна среди жителей порубежья бытовало присловье, что короли в их краях покажутся не прежде, чем вернутся зубры.

Так что в Гёинге все оставалось по-прежнему, и христианство там не было в ходу. Священники, что пускались туда, как и прежде продавались за границу; однако иные из геингцев решили, что правильнее убивать их на месте и пора начать войну с жадными людьми из Сюннербу и Альбу, поскольку цены в Смоланде приносили им мало прибыли.

Путешествие по западным морям

Часть 1. Долгое путешествие

Глава 1. О бонде Тосте и его домочадцах

На побережье люди селились вместе, деревнями, ради пропитания и для большей безопасности; берега нередко грабили с кораблей, что огибали Сконе, – и весной, чтобы запастись дешевой свининой, и осенью, если возвращались из похода с пустыми руками. Рога оповещали в ночи о высадке чужаков и скликали на подмогу соседей; так что хорошей деревне иной раз под силу бывало даже отбить корабль-другой у неосторожных гостей и заполучить славную добычу и похвалиться потом ею перед своими викингами, когда их собственные драккары возвратятся на зиму домой.

Но люди богатые и гордые, имевшие свой корабль, находили, что соседи им не к чему, и жили каждый своим домом; потому что даже когда они сами уходили в море, их хутора защищали оставленные там надежные люди. В окрестностях Куллена, сиречь Холма, таких было немало; здешние богатые бонды слыли самыми заносчивыми в округе. Когда они бывали дома, то зачастую ссорились, хотя хутора их разделяло немалое расстояние; но чаще их дома не было, потому что с самого детства смотрели они за море, считая тамошние земли своим наделом, чьи жители при встрече пусть пеняют на себя.

Жил там бонд по имени Тосте, человек почтенный и отличный мореход; хоть был он уже в годах, но каждое лето уходил на своем корабле в чужие страны. У него были родичи в Лимерике, что в Ирландии, среди поселившихся там викингов, и он обыкновенно отправлялся туда торговать и помогать хёвдингу из рода Лодброка собирать дань с ирландцев и с их церквей и монастырей. Теперь в Ирландии кончились хорошие времена для норманнов, с тех пор как Мюркьяртан, конунг в Коннахте, обошел весь свой остров, обратя щит к морю; потому что жители с той поры стали защищаться лучше и с большей охотой следовали за своими королями, так что большого труда стоило взять с них дань; и даже монастыри и церкви, которые прежде было так легко грабить, понастроили каменных башен, чтобы священники отсиживались со своими сокровищами, и не достать их там стало ни огнем, ни железом. Оттого многие из людей Тосте считали, что лучше бы отправиться в Англию или к франкам, где времена покуда добрые и где можно взять больше с меньшими хлопотами; но Тосте не хотел менять своих привычек, полагая, что слишком стар браться за неосвоенные страны.

Жена его звалась Оса и родом была из лесного края. Она была бойкая на язык и строптивого нрава, и Тосте порой говаривал, что незаметно, чтобы годы обуздали ее, как это бывает с мужчинами; однако женой она была рачительной и хозяйство вела исправно, когда Тосте отлучался. Она родила ему пятерых сыновей и трех дочерей, но удача сыновьям была невеликая. Старший погиб юношей, когда на одной свадьбе, развеселясь от пива, решил всем показать, как проедет верхом на туре; другого смыло бурей за борт в первое же его плаванье. Но худшее несчастье приключилось с четвертым, по имени Аре; как-то летом, когда ему было девятнадцать, он сделал беременными двух своих соседок, когда их мужей не было в стране, чем вызвал изрядную суматоху и немало насмешек, и к тому же ввел Тосте в большой расход, когда мужья вернулись домой. Оттого он сделался унылым и стал избегать людей и убил одного человека, чересчур потешавшегося над его проворством, и был за это выслан из страны. Говорили, будто он пристал к шведским купцам и отправился с ними на восток, чтобы не встречаться с людьми,

знавшими его беды; но с тех пор слуху о нем не было. Осе привиделась во сне черная лошадь с кровью меж лопаток, и так она узнала, что сын ее мертв.

Так что у Тосте и Осы осталось лишь двое сыновей. Старшего звали Одд; он был коренастый, широкоплечий и кривоногий, сильный и суровый, осмотнительный в речах; в раннем возрасте он уже сопровождал Тосте в его поездках и хорошо умел управляться с кораблем и оружием. Дома он становился дерзким, потому что с трудом дожидался, пока минует зима; и на сей счет они сильно расходились с Осой. Одд то и дело говорил, что нынче на его вкус затхлая солонина на корабле куда лучше жаркого на суше в праздник Йоля; на что Оса отвечала, что не слышала пока, чтобы он отказался хоть от одного из предложенных ею угощений. Всякий день он спал так долго, что нередко жаловался потом ночью на бессонницу; даже когда он взял себе на солому, служившую постелью, одну из служанок, лучше, по его словам, стало ненамного. Осе мало нравилось, что сын спит со служанками: девки могут много забрать себе в голову и начнут дерзить хозяйке, лучше бы Одду поскорее жениться. Но Одд отвечал, что большой спешки с этим нет: женщины, с которыми ему приятно, живут в Ирландии, но таких к себе домой он не повезет; поскольку тогда, ему кажется, Оса и невестка выпарапают друг другу глаза. Оса злилась и спрашивала, не оттого ли Одд сидит в чужих краях, что дожидается, пока она умрет. На что Одд мог только ответить, что она вольна поступать так, как найдет правильным; он не станет давать ей советов в таком деле, но снесет все, что бы ни случилось.

Хоть и был он медлителен в речах, Оса не могла оставить за ним последнего слова и обыкновенно отвечала, что поистине горе, когда хорошие сыновья погибают, а остаются такие, без которых можно было бы и обойтись.

С Тосте Одду бывало проще; и едва наступала весна и тянуло смолой от лодочных сараев и корабельных причалов, на душе у него светлело. Иной раз он даже пробовал складывать висы, хоть и не больно-то у него ладилося: что нива гагарок готова к пахоте или что кони моря скоро понесут его в страну полудня.

Но большим скальдом Одд так и не прослыл, даже среди местных девиц на выданье. Видели, что не слишком он оглядывался, уходя в море.

Брат его был младшим из всех детей Тосте и материным баловнем; звали его Орм. Он быстро рос и сделался высоким и долговязым, и Оса нередко сетовала, что он такой тощий; поскольку ел он ненамного больше взрослых, она уверилась, что потеряет сынка, что он плохо ест и оттого скоро пропадет. Орм поесть любил и мало жаловался, что мать чересчур заботится о его питании, но Тосте с Оддом нередко ворчали по поводу лакомых кусков, что оставлялись младшему. В младенчестве Орму случилось раза два приболеть; с тех пор Оса не верила в его здоровье и постоянно мучилась страхами за него и худыми предчувствиями и находила у него грозные хвори, требующие лечения священным пореем, целебными заклинаниями и гретыми глиняными тарелками, тогда как самым тяжким из его недугов приключался разве что от объедения ячменной кашей со свиной.

Он вырос, и печалей у Осы прибавлялось. Надеждой ее было, что станет он человеком видным и хёвдингом; и часто она, довольная, указывала Тосте, что сын растет могучим и сильным и так разумен в своих речах, что не иначе как удался в мать; но страх вселяли в нее те опасности, что подстерегают взрослого мужчину. Она часто рассказывала ему о несчастьях, постигших его братьев, и взяла с него слово остерегаться туров, быть осмотнительным на кораблях и никогда не ложиться с чужой женой; но ведь оставалось еще столько иных напастей, от которых она не знала средства. Когда ему исполнилось шестнадцать зим и пришла пора отправляться в море вместе со всеми, Оса не пустила сына, как слишком молодого и слабого здоровьем; когда же Тосте спросил, не собралась ли она воспитать из него кухонного хёвдинга и сокрушителя старух, она впала в такую ярость, что Тосте напугался и отстал от нее и рад был сам уплыть как можно дальше.

Той осенью Тосте и Одд возвратились поздно и потеряли столько людей, что едва хватало гребцов; и все равно оба остались довольны и много чего рассказали. В Лимерике добыли они немного, поскольку ирландские короли в Мюнстере сделались нынче такими могущественными, что викингам теперь впору стало самим защищаться; но друзья Тосте, чьи корабли там стояли, спросили, не хотел бы он попытать с ними счастья в Мерионете на ярмарке в день солнцеворота, в Уэльсе, в таких местах, где викинги еще не бывали и куда теперь они доберутся с помощью надежных провожатых. Одд уговорил Тосте присоединиться к походу, и люди их склонились к тому же; и с семью кораблями вошли они в Мерионет и пробрались трудными путями в глубь страны и незамеченные подоспели к ярмарке. Был жестокий бой, и много людей погибло, и викинги победили и взяли большую добычу, много добра и пленных. Потом они поплыли в Корк и продали пленников, поскольку туда спокон веку съезжались торговцы рабами со всего света выбирать из добычи, привозимой туда викингами; и тамошний король, Олоф с Самоцветами, который был христианин и очень старый и мудрый, сам обычно покупал стоящих, по его мнению, чтобы их люди потом выкупали их, с прибытком для него самого. Из Корка они поплыли домой, сбившись все вместе, чтобы не попасться морским разбойникам теперь, когда охота драться у них была малая, народу на борту немного, а добра изрядно, и так они благополучно обогнули Скаген, где прибрежные жители и вестфольдцы подстерегают возвращающиеся домой нагруженные корабли.

После того как добычу разделили, Тосте досталось немало; и взвесив у себя в кладовке все серебро, он сказал, что такая поездка будет славным окончанием его странствий и что впредь он, пожалуй, останется дома, тем более что и тело уже как деревянное, а Одд теперь со всем управляется не хуже, да и Орм пособит. Одд отвечал, что это умно сказано. Но Оса говорила, что нет, вовсе даже не умно; хоть и правда серебра получено немало, но если кормить каждую зиму столько народу, то хватит ненадолго; и можно ли надеяться, что Одд не раздаст свою добычу тем женщинам в Ирландии, когда надумает вернуться; а Тосте пора бы знать, что спина деревенеет, когда сидишь зимой без дела у огня, а вовсе не от морских походов; и что с нее довольно и полгода спотыкаться о его ноги. Ей странно, сказала она, что нынче приключилось с мужчинами; вот ее родной дядя по матери, Свейн Крысиный Нос, могучий герой Гёйнге, пал в стычке со смоландцами, спустя три года как он выпил все, что было, на столе на свадьбе своего старшего внука; а теперь приходится слушать, как мужчины в расцвете сил жалуются на болячки и не стыдятся умирать на соломе, словно скотина. Теперь пусть Тосте и Одд выпьют доброго пива, со счастливым возвращением, того, что им по вкусу, а Тосте пусть выкинет дурь из головы и выпьет за такую же удачу в будущее лето; а потом они все вместе благополучно перезимуют, если только не будут сердить ее подобной болтовней.

Когда она ушла распорядиться насчет пива, Одд сказал, что, видно, Свейн Крысиный Нос сам выбрал свою участь, если все женщины у них в роду такие же сварливые; и Тосте отвечал, что о таком деле не станет с ним спорить, но что женщина она хорошая во многих отношениях и не стоит злить ее больше, чем нужно, и Одду тоже этого делать не след.

Этой зимой все заметили, что Оса сделалась бледной и удрученной, и язык ее словно утратил обычное проворство; она нянчилась с Ормом еще больше прежнего и порой стояла, глядя на него, будто ей было видение. Орм теперь подрос и мог уже помериться силой со сверстниками и даже со многими старше его. Был он рыжеволосым и белокожим, с широко посаженными глазами, курносый носом и большим ртом, длиннорукий и чуть сутулый; ловкий и проворный, с копьем и луком управлялся он вернее иных прочих. Он легко впадал в ярость и тогда в ослеплении набрасывался на обидчика; даже Одд, прежде находивший удовольствие в том, чтобы доводить брата до иступления, стал осторожнее на язык, потому что сила того уже сделалась опасной. Но в остальном Орм был тих и смирен и привык во всем слушаться Осу, хоть порой и огрызался, когда она уж слишком допекала его заботами.

Тосте вручил ему теперь оружие взрослого мужчины, меч и секиру и добрый шлем, а щит Орм смастерил себе сам; с кольчугой дело было хуже, поскольку ни одна из имевшихся в доме не пришлась ему впору, а хороших бронников в тех краях не хватало, потому что изрядная их часть подалась на сторону, в Англию или к ярлу в Руан, где больше платили. Тосте полагал, что для Орма сгодится и бахтерец, покуда сам он не добудет себе кольчужной рубахи в Ирландии; доспехи убитых там всегда можно дешево купить в любой гавани.

Когда они сидели за столом и толковали об этом, Оса закрыла лицо руками и заплакала. Все замолчали и поглядели на нее; и Орм спросил, уж не заболели ли у нее зубы. Оса вытерла глаза и повернулась к Тосте; она сказала, что разговор о доспехах мертвецов кажется ей дурной приметой и что теперь она почти уверена, что Орм погибнет, едва только выйдет в море; ибо уже трижды она видела во сне, как лежит он весь в крови у корабельной скамьи, а всем известно, что ее снам можно верить. Потому она и умоляет Тосте сжалиться и не обрывать жизни Орма без нужды, а позволить ему остаться дома и на это лето, потому что, она уверена, ему грозит опасность, а буде сейчас он избежит ее, то потом, быть может, и обойдется.

Орм спросил, не удалось ли ей заметить во сне, куда именно он был ранен. Оса сказала, что всякий раз в этот миг в страхе просыпалась; и заметила только, что волосы его были в крови и лицо очень бледное; и этот сон гнетет ее, с каждым разом все больше, хоть она и не хотела до сих пор ничего рассказывать.

Тосте сидел в раздумье, а потом сказал, что не слишком разбирается в сновидениях, да и побаивается таких вещей.

– Хотя старики говорят, как норны нарядут, так и будет. Но ежели ты, Оса, видела один и тот же сон трижды, то он, пожалуй, предупреждение; а сыновей мы уже теряли. Так что перечить тебе не стану; пусть Орм остается на лето дома, если сам хочет. Что до меня, я смогу сходить еще в один поход; так что оно и для всех лучше.

Одд поддержал Тосте, потому что много раз убеждался, что сны Осы сбываются. Орм не был доволен тем, как все решилось, но привык во всех важных делах слушаться матери; и больше о том не говорили.

Когда настала весна и немалое количество людей из поселений в глубине страны заплатили Тосте за место на его корабле, они с Оддом отплыли как обычно, а Орм остался дома. Он досадовал на Осу и однажды прикинулся больным, чтобы попугать ее; но она так рьяно взялась опекать и лечить его, что он и сам поверил в собственную выдумку и не рад был своей затее. У Осы не шел из головы ее сон, и несмотря на все причиненные сыном огорчения, она радовалась, что он остался дома.

Но этим летом он все же пустился в свое первое путешествие, не спросясь у матери.

Глава 2. Об отплытии Крока и о том, как Орм отправился в свое первое путешествие

На сороковом году правления короля Харальда Синезубого, за шесть лет до нападения викингов из Йомсборга на Норвегию, три корабля с новыми парусами и многими людьми на борту вышли из окрестностей Листера и двинулись на юг грабить вендов. Их предводителя звали Крок. Это был смуглый человек, долговязый и нескладный и очень сильный; его хорошо знали в округе, потому что он был горазд выдумывать дерзкие затеи и играть с людьми шутки, которые для тех плохо кончались, а после растолковывать им, как он сам бы управился на их месте. Сам он мало что совершил, предпочитая рассказывать, что собирается сделать; но тут он так разжег окрестных парней своими речами о добыче, которую удалым людям легко захватить, ненадолго наведавшись к вендам, что подобралась команда, были снаряжены корабли, а самого Крока выбрали хёвдингом этого похода. У вендов найдется чего пограбить, говорил он; главное, можно не сомневаться, что им достанется много серебра, янтаря и рабов.

Крок и его люди подошли к побережью вендов, нашли устье реки и выгребали по ней против сильного течения, пока не достигли деревянной крепости с частоколом через всю реку. Тут они на рассвете высадились и двинулись прямо на вендов в обход их деревянных укреплений. Но венды оказались многочисленны и хорошо стреляли из луков; а люди Крока сильно устали, поскольку всю ночь шли на веслах; и битва была жестокая, прежде чем венды бежали. Крок потерял тогда хороших людей; а когда подсчитали добычу, та состояла из нескольких корчаг да пары овчин. Они немного спустились по реке и попытали удачу в другом селении, чуть западнее; и после яростного боя, снова понесся потери, люди Крока захватили два копченых свиных бока, проломленный панцирь и ожерелье из мелких истертых серебряных монет.

Они похоронили своих павших на берегу и держали совет; и Кроку пришлось потрудиться, объясняя, отчего поход вышел совсем не такой, как он обещал. Но ему удалось успокоить людей разумными словами. К случайностям и неудаче, говорил он, следует быть готовым всегда; истинному викингу негоже отчаиваться из-за подобных пустяков; грабить вендов теперь стало труднее, чем раньше; а кстати, он хотел бы предложить кое-что еще, к вящей пользе их всех. Надо было попробовать наведаться на Борнхольм, ведь о тамошних богатствах всякий знает, а с годными для боя людьми на острове плохо, поскольку многие уехали оттуда за последнее время в Англию. В таком набеге они без большого труда захватят изрядную добычу, и золота, и драгоценных тканей, и богатого оружия.

Люди Крока решили, что это хорошо сказано, и вновь обрели уверенность; они поставили паруса и поплыли к Борнхольму и прибыли туда рано утром и шли на веслах вдоль его восточного побережья в полном безветрии и сгустившемся тумане, ища подходящее место для высадки. Они шли борт к борту, бодрые духом, но молчали, желая подойти к берегу незамеченными. И вдруг услышали впереди скрип уключин и мерные удары весел и разглядели в тумане одинокий боевой корабль: он обогнул мыс и шел прямо на них, не сбавляя хода. Все стали вглядываться в этот драккар, очень большой и красивый, с красной драконьей головой и двенадцатью парами весел, и радовались, что он только один; и Крок приказал, чтобы все его люди, не занятые на веслах, взяли свое оружие и изготовились, потому что тут будет чем поживиться. Но одинокий корабль подходил все ближе, словно ничего не замечая; и плотный человек, стоящий у форштевня, с окладистой бородой и в измятом шлеме, приставил ладони ко рту, едва суда поравнялись, и крикнул хриплым голосом:

– Расступитесь или сражайтесь!

Крок расхохотался, а с ним и его люди, и прокричал в ответ:

– Ты видел, чтобы три корабля расступались перед одним?

– Я видел и больше, – крикнул толстяк, – потому что мало таких, кто не уступит дорогу Стюрбьёрну. Но выбирайте сами, только быстрее!

На это Крок не сказал ничего, только повернул свой корабль и велел опустить весла, покуда незнакомое судно прошло мимо; ни один клинок не был обнажен на борту у Крока. И все видели, как высокий молодой человек в синем плаще, со светлым пушком на подбородке, поднявшись со своего места возле кормчего, стоял, сжав в руке копьё и прищурясь глядел на них, а после широко зевнул; а потом отставил в сторону копьё и уселся снова; и люди Крока поняли, что это Бьёрн Олофссон, по прозвищу Стюрбьёрн, изгнанный племянник конунга в Упсале, тот, что редко уклоняется от бури и никогда от боя и кого немногие хотели бы встретить на море. Его корабль продолжил свой путь к югу и наконец исчез в тумане; но Кроку и его людям непросто было снова обрести бодрость духа.

Они подошли к восточным шхерам, где не было людей, вышли на берег и сварили еду и держали долгий совет; многие думали, что лучше плыть домой, раз уж неудача последовала за ними и на Борнхольм. Ведь помимо Стюрбьёрна в этих водах и на самом острове наверняка полно викингов с Йомсборга, и остальным тут уже нечего делать. А некоторые говорили, что

немного успеешь на море без такого хёвдинга, как Стюрбьёрн, который без нужды дорогу не уступит.

Крок поначалу был несколько бледнее обычного; но он велел выкатить для всех пива; и когда все выпили, он принялся их ободрять. Да, неудача, что им повстречался Стюрбьёрн, это так; но с другой стороны, большая удача, что встреча была именно такой; ведь успеи они высадиться и нарваться там на его людей или других йомсборгских викингов, им бы вышел немалый вред. Все йомсвикинги, и в особенности люди самого Стюрбьёрна, наполовину берсерки, таких порой и железо не берет, они равно хорошо рубятся обеими руками, как лучшие бойцы из Листера. Что он не стал нападать на Стюрбьёрнов корабль, человеку безрассудному могло показаться странным; но по его, Крока, мнению, у него были причины сдержаться, и хорошо, что он вовремя опомнился. Потому что у безземельного морского разбойника вряд ли найдется на борту что-либо стоящее серьезной схватки; а сами они вышли в море не ради пустой славы, а ради добычи; и потому он предпочел позаботиться об их общем благе, а не о собственном достоинстве, и по зрелому размышлению они согласятся, что он поступил, как подобает хёвдингу.

Таким образом Кроку удалось немного смягчить недовольство своих людей, да и сам он воодушевился собственными речами и продолжал их, чтоб отсоветовать спутникам возвращаться домой. Потому что дома в Листере, говорил он, народ остер на язык; и в особенности женщины поспешат встретить их расспросами о подвигах и о добыче и о причине столь скорого возвращения. Кто себя уважает, тот не захочет подставиться под их пересуды, так что возвращение надо было отложить, покуда не попадется что-нибудь такое, с чем вернуться не стыдно. Что теперь нужно, так это столковаться и всем вместе постараться выбрать хорошее место и туда отправиться; а поскольку больше ему сказать нечего, то хотелось бы услышать мнение на этот счет разумных людей.

Один предложил наведаться в земли куршей и ливов, где найдется стоящая добыча; но его не поддержали, поскольку слишком хорошо знали, что каждое лето там рыщут большие отряды свеев и не очень-то любят, когда чужие появляются там по тому же делу. Другой слышал, что больше всего на свете серебра на Готланде и что надо бы там побывать; но иные, более сведущие, сказали, что теперь, когда гуты разбогатели, они живут в укрепленных поселениях, какие под силу разве целому войску.

Тут взял слово третий, по имени Берсе, разумный в речах и всеми уважаемый за мудрость. Он сказал, что Балтийское море стало тесным и скудным, поскольку так много народу вышло на добычу, что даже венды выучились защищаться. А раз возвращаться домой больше охоты нет, в этом он сходится с Кроком, то следует прикинуть, а не поплыть ли на Запад. Сам он никогда там не был; но человек и Сконе, с которым он толковал на одном рынке прошедшим летом, побывал и в Англии, и в Бретланде, вместе с Токе Гормссоном и Сигвальде Ярлом, им было за что хвалить этот поход. Все они щеголяли в золотых кольцах и дорогих нарядах; и по их рассказам, викинги, бросившие якорь в устьях рек франков, развлекаются в постели с дочками графов, а служат им аббаты с бургомистрами. Насколько близки были к истине его сконские собеседники в этом утверждении, знать он не может, но, зная принятую в тех местах правдивость, разумно будет поверить хотя бы в половину сказанного. Впрочем, нет сомнений, что вид у этих вернувшихся из похода людей был самый благополучный, и они даже угостили его, чужака из Блекинге, изрядным количеством крепкого пива, причем ничего не украли из его имущества, покуда он спал; и потому, возможно, не все тут ложь, которая, с другой стороны, и так видна. А где хорошо людям из Сконе, там и блекингцам неплохо; потому, закончил Берсе, он предлагает поход на Запад, если остальные не против.

Многие встретили его речь одобрительными криками; но другие говорили, что им не хватит запасов, чтобы достичь тех тучных земель на Западе.

Тогда Крок взял слово и сказал, что Берсе произнес как раз то, что и сам он собирался предложить. К тому, что Берсе рассказал о дочках графов и богатых аббатах, за которых дают большой выкуп, он добавил бы еще одну вещь, хорошо известную людям бывалым, а именно, что в Ирландии всего не менее ста шестидесяти конунгов, больших и малых, и у каждого есть сокровища и красивые женщины, а воинов их защищают одни только полотняные рубахи, так что справиться с ними не составит труда. Единственная трудность, это пройти Эресунн, где часто попадаетесь довольно навязчивый народ. Но три корабля, полные вооруженных людей, на которых сам Стюрбьёрн не осмелился напасть, несомненно внушат к себе уважение и там; к тому же все викинги из округи в это время года уже отплыли на Запад, а впереди безлунные ночи. Запасы же можно будет пополнить, благополучно пройдя пролив.

Тут все опять приободрились и сочли, что план хорош, а Крок из них всех самый рассудительный и знающий; и все были горды, что решились пуститься на Запад, ведь у них в округе, сколько помнили старожилы, туда еще не ходил ни один корабль.

Они подняли паруса и двинулись к острову Мэн и пробыли там весь день и всю ночь, меняя часовых и дожидаясь попутного ветра. После чего, воспользовавшись штормовой погодой, прошли проливом и к вечеру миновали его горловину, не встретив неприятеля; на ночь они зашли за мыс Куллен с подветренной стороны и решили позаботиться о запасах. Три отряда отправились в глубь страны, каждый в свою сторону. Отряду Крока повезло, они вышли к овечьему загону близ большого хутора и убили пастуха и его собаку, так что те не успели поднять шума. Потом они переловили всех овец и зарезали столько, сколько могли унести с собой; но животные громко блеяли, и Крок велел своим людям поторапливаться.

Они пустились в обратный путь к кораблям по той же тропке, по которой пришли, каждый с овцой на плечах, торопясь как могли. За спиной они слышали крики проснувшихся жителей хутора, а вскоре донесся и яростный лай собак, пущенных по их следу. Потом далеко разнесся женский крик, перекрывая голоса собак и людей. «Погоди! Стой!», и несколько раз «Орм!», и опять «Погоди!» – пронзительный вопль, полный отчаяния. Люди Крока не могли быстро идти со своей ношей, потому что тропка была каменистая и круто обрывалась в пропасть, а ночь выдалась беззвездной, стоял почти непроглядный предрассветный мрак. Сам Крок шел последним и тащил на плече овцу, а в другой руке держал секиру. Он предпочел бы избежать стычки из-за овец, ибо они малая замена жизни и здоровью; злыми словами он понукал своих людей, когда те спотыкались или шли слишком медленно.

Корабли стояли у каменных уступов, удерживаемые у берега только веслами; все были готовы отплыть сразу же, как подоспеет Крок, поскольку два других отряда уже вернулись, ничего не найдя; несколько человек ожидало Крока на суше, чтобы помочь ему, если понадобится. До кораблей оставалось несколько шагов, когда на тропу выскочили два огромных пса. Один набросился на Крока, но тот увернулся и рубанул собаку секирой; другой промчался мимо него и с маху сбил с ног человека, шедшего впереди и впился ему в горло. Двое встречавших кинулись к ним и убили пса; но когда вместе с Кроком склонились над упавшим, оказалось, что у него сильно порвано горло и что он вот-вот истечет кровью.

В этот миг пролетело копье и вонзилось впереди Крока, и два человека сбежали по склону на каменные уступы; они мчались так быстро, что оставили своих спутников далеко позади. Первый, с непокрытой головой и без щита, с одним коротким мечом, оступился и упал ничком на камни; два копья, пролетев над ними, вонзились в его товарища, и тот упал и остался лежать. Но первый, с непокрытой головой, уже вскочил, взыв по-волчьи; налетев на человека, ринувшегося вперед с поднятым мечом, когда он сам упал, он рубанул его по виску и убил. После он накинулся на Крока, который был рядом; и все это происходило очень быстро. Воин нанес Кроку мгновенный и сильный удар; но Крок нес овцу и удар пришелся по туше; в тот же миг Крок сам ударил обухом своей секиры и попал своему противнику в лоб, и тот свалился

без чувств. Крок наклонился над ним и разглядел, что тот еще совсем парнишка, рыжий и курносый и белокожий; он ощупал то место, куда пришелся удар, и нашел, что череп цел.

– Прихвачу и овцу, и теленка, – сказал Крок, – будет грести за того, которого убил.

С такими словами он поднял парнишку, отнес на свое судно и положил у скамьи; и со всей командой на борту, кроме двух убитых, корабли ушли в море в тот самый миг, когда большой отряд преследователей наконец появился на берегу. Уже светало, и несколько копий полетело вдогон кораблям, но ни одно не попало. Гребцы со всей силы налегали на весла, радуясь свежине на борту; и они успели уже изрядно отойти от берега, когда среди смутных теней на уступе увидели женщину в длинной голубой сорочке и с развевающимися волосами; она бесновалась на краю обрыва, простирая руки к кораблям и что-то крича. Ее крик донесся до них лишь слабым звуком над водой; она еще долго стояла после того, как ее вовсе не стало слышно.

Так Орм сын Тосте, который со временем сделался известен как Рыжий Орм, или Орм Странствователь, отправился в свое первое путешествие.

Глава 3. О том, как они поплыли на юг и как нашелся хороший провожатый

На Ведерё люди Крока прибыли голодные, поскольку всю дорогу туда шли на веслах; там они причалили и вышли на берег, чтобы набрать дров и сготовить себе хороший обед; на острове никого не было, кроме нескольких старых рыбаков, которые по своей нищете грабежа не боялись. Свежую овец, люди Крока нахваливали их и восхищались, до чего же тучные и до чего, видно, славные весной выпасы на Куллене; они насаживали куски на копыя и держали их над огнем, и принялись облизываться, когда жир зашипел, потому что давно уже не чувствовали такого вкусного запаха. Многие рассказывали друг дружке, когда в последний раз едали такие лакомые куски, и все сошлись, что покамест на Запад им плывется хорошо. А потом все принялись за еду, так что сало текло по бородам.

Орм к тому времени пришел в себя, но ненадолго; едва он вышел на берег вместе с остальными, как ноги у него подкосились. Он сел наземь, обхватив голову руками, и не отвечал на расспросы; потом его вырвало, он попил воды, и ему полегчало; а почуввав жаркое, он поднял голову, словно проснувшись, и уставился на окружавших его людей. Сидевший с ним рядом дружелюбно ухмыльнулся, отрезал немного мяса от своего куска и протянул Орму.

– На, поешь, – сказал он. – Лучшего жаркого ты никогда не пробовал.

– Мне ли не знать, – отвечал Орм. – Ведь это я вас угощаю. Он взял мясо двумя пальцами, но есть не стал; он оглядел всех по кругу, одного за другим, а после сказал:

– Где тот, кого я ударил мечом? Он мертв?

– Он мертв, – отвечал его сосед, – но здесь ни у кого нет за него долга мести, а вместо него грести будешь ты. Его весло прямо перед моим, так что лучше, если мы с тобой станем друзьями. Меня звать Токе, а тебя?

Орм назвал свое имя, а потом спросил:

– Был ли достойным человек, которого я уложил?

– Он был несколько медлителен, как ты заметил, – сказал Токе, – и с оружием управлялся похуже меня; но оно и понятно, ведь среди нас я в таком деле один из лучших. Но человек он был сильный и надежный и почитался всеми достойным; он звался Оле, и отец его снимает по двенадцати тенне ржи, и в море он ходил уже дважды. А если ты умеешь грести не хуже его, то гребец ты не последний.

Когда Орм услышал это, он почувствовал облегчение и принялся за еду, но спустя какое-то время спросил:

– А кто меня ударил?

Крок сидел чуть поодаль и услышал его вопрос. Он рассмеялся и поднял свою секиру и, прожевав, сказал:

– Это она тебя поцеловала; а когда бы укусила, ты бы не спрашивал.

Орм глядел на Крока, широко раскрыв глаза и не мигая; потом вздохнул и сказал:

– Я был без шлема и запыхался; а не то все могло бы повернуться иначе.

– Ты дерзок, сконец, – сказал Крок, – и считаешь себя бойцом. Но ты слишком молод и нет у тебя воинского разума. Потому что ни один разумный человек не выскочит без шлема не то что из-за каких-то овец, но даже из-за собственной жены. Однако мне сдается, человек ты удачливый, и быть может, принесешь удачу нам всем. Твою собственную удачу мы видели трижды: ты споткнулся о камни, когда два копья летели прямо в тебя; за Оле, убитого тобой, никто не должен мстить; и я тебя не зарубил, потому что мне нужен гребец на его место. Потому я и считаю, что удача твоя велика и может нам пригодиться; и дарю тебе ныне мир от всех нас, покуда ты гребешь веслом Оле.

Все решили, что Крок хорошо сказал. Орм ел, раздумывая, а потом ответил:

– Я принимаю твой мир и не думаю, что должен стыдиться этого, потому что вы сами украли моих овец. Но грести, словно раб, я не стану, потому что я хорошего рода, и пусть я молод, но почитаю себя человеком достойным, раз уж смог уложить такого почтенного человека, как Оле. И потому хотелось бы получить обратно мой меч.

Тут пошли разные толки. Иные считали, что желание Орма не слишком малое и что достанет и того, что ему подарили жизнь; но другие говорили, что дерзость в молодости не большой грех и что надо иметь уважение к тому, с кем удача; а Токе рассмеялся и спросил, сколько найдется человек на всех трех кораблях, что побоялись бы одного юнца с мечом. Человек по имени Кальв, говоривший против этого, пожелал драться с Токе за такие слова, и Токе объявил, что сделает это с удовольствием, как только доест бараньи почки. Но Крок не разрешил никакой драки, и кончилось тем, что Орм получил обратно свой меч, хотя теперь предстояло решать, кем ему впредь считаться – пленником или товарищем. Но за меч, который был добрым оружием, Орму предстояло заплатить Кроку выкуп с первой же добычи.

Тут задул легкий бриз, и Крок сказал, что надо выходить в море. Все взошли на борт, и драккары, подняв паруса, двинулись в Каттегат. Орм оглянулся на далекий берег и сказал, что Кроку повезло, в эту пору мало у них в округе кораблей; а то, насколько он знает свою мать, она уже давно была бы здесь с половиной хутора на борту.

Потом он промыл свою рану на лбу и выполоскал из волос запекшуюся кровь; и Крок сказал, что шрам будет не стыдно показать женщинам. Потом подошел Токе со старым кожаным шлемом с железными пластинами и сказал, что по нынешним временам шлемом эту штуку назвать трудно, но он нашел ее у вендов и без нее обойдется. От секиры, сказал он, она мало помогает, но все-таки лучше, чем ничего. Орм примерил шлем и оказалось, что тот будет впору, когда спадет опухоль. Орм поблагодарил Токе; и теперь оба знали, что отныне будут друзьями.

Они обошли Скакен с крепким ветром и по старинному обычаю принесли жертву Эгиру [8] и его родичам бараниной, свининой и пивом, и долго потом их с криком провожали чайки, что считается добрым предзнаменованием. Они шли на юг вдоль ютских берегов, пустынных земель, где на песке то и дело виднелись обломки разбившихся на рифах кораблей; еще южнее они бросили якорь между двух маленьких островков и нашли там воду и пищу, но более ничего. Потом продолжили путь вдоль побережья; и большей частью ветер был благоприятный, так что все пребывали в хорошем расположении духа и не тратили силы на весла. Токе сказал, что Орму, видно, удача и в погоде; такая удача едва ли не лучшее, что выпадает человеку, и Орм впрямь может рассчитывать на хорошее будущее. Орм решил, что Токе, пожалуй, прав; но Крок с этим не согласился.

– Это мне счастье в погоде, – сказал он. – Ведь нам с самого начала везло с погодой и ветром, задолго до того, как появился Орм; а не будь я уверен в своей удаче, я бы никогда не решился на такое путешествие. Но и у Орма удача изрядная, хотя и иная, чем у меня; а чем больше счастливичиков будет на борту, тем лучше для всех.

Мудрый Берсе согласился с этим и сказал, что хуже нет, когда человеку нет удачи.

– Потому что человек человека одолеет, и оружие справится с оружием; для богов есть жертвы, а для троллей заклинания; но от худой удачи ничто не защитит.

Токе сказал, что не знает, сколь велика его собственная удача, хотя рыбацкое счастье при нем всегда. С людьми, с которыми бывал в ссоре, он всегда справлялся, но это скорее благодаря силе и ловкости, чем удаче.

– Но теперь, – сказал он, – хотел бы я знать, так же ли повезет мне с золотом и женщинами; поскольку слышал, что тут на западе много всякого красивого, а я давно не имел ни женщины, ни золотого кольца. И даже если вместо золота большей частью будет серебро, и мне достанется не графская дочка, на какую рассчитывает Берсе, а обычная франкская девушка, жаловаться не стану; человек я гордый.

Крок сказал, что Токе придется малость потерпеть, хоть ему и невмоготу; и Токе признал, что это правда; поскольку непохоже, чтобы в этих местах вообще водилось золото и женщины.

Они шли вдоль низменных берегов, где не было видно ничего, кроме песка и болот и изредка рыбацких хижин; потом появились мысы с воздвигнутыми на них крестами, и они поняли, что достигли христианских земель и франкских берегов. Ибо сведущие люди на кораблях знали, что такие кресты установили при Карле Великом, предке всех кесарей, чтобы отвратить викингов от его земель; но боги Севера оказались сильнее.

Они заходили в проливы и бухты, укрываясь от надвигающегося шквала или просто для ночлега, и наблюдали, как вода, солонее и зеленее, чем им когда-либо приходилось видеть, прибывала и убывала с приливом и отливом. Не заметно было ни судна, ни человека, лишь иногда попадались следы старых построек; ибо некогда здесь было множество селений, до того как пришли норманны. Но все они давно уже стояли разграбленные и брошенные, и теперь лишь далеко на юге мореходам можно было рассчитывать на добычу.

Они вошли туда, где море суживается между Англией и материком, и тут начались разговоры, не высадиться ли в Англии. Потому что все знали, что конунг Эдгар только что умер, оставив несовершеннолетних сыновей. Но Берсе и Токе и другие из числа тех, кто поумнее, настаивали, что все-таки земля франков куда лучше, надо только спуститься еще южнее; потому что король франков и император Германии воюют друг с другом из-за порубежья, а когда начинаются такие дела, то прибрежные земли переппадают норманнам.

Потому они остались под франкскими берегами; только теперь отошли подальше в море и бдительно несли дозор: они достигли той страны, что викинги отвоевали у короля франков; разумеется, и тут еще попадались кресты на мысах и в устьях рек, но чаще – шесты с насаженными на них боролатыми головами, в знак того, что владыки этой страны хорошо видят соплеменников у своих берегов. Крок и его люди сочли, что подобное негостеприимство к сородичам – большой позор для тех, кто теперь владеет всеми богатствами в этой стране; но этого и следовало ожидать от выходцев из Сконе и Зеландии; и Орм спросили, нет ли у него в этих краях родни. Орм отвечал, что вряд ли, поскольку его родня все больше в Ирландии; но вот такую вещь, как головы на шестах, надо бы не забыть до возвращения домой, она может здорово пригодиться для защиты овец. На это все рассмеялись и решили, что парень за словом в карман не лезет.

Они встали в засаде в устье одной из рек и захватили несколько рыбацких лодок, но нашли в них мало что ценного, а от самих пленников не могли добиться, где тут искать богатые поселения; тогда двоих убили, но поскольку остальные так и не смогли внятно ответить, их отпустили, так как на вид они были тщедушные и не годились ни на весла, ни на продажу.

Не раз высаживались они по ночам на берег, но много не добыли; народ тут жил в больших и хорошо обороняемых поселениях, и им всякий раз приходилось спешить к своим кораблям, чтобы не оказаться окруженными превосходящей силой. Они надеялись, что эта страна, населенная норманнами, вот-вот кончится.

Однажды вечером им встретились четыре больших боевых корабля, идущих на веслах с юга; они казались так тяжело нагруженными, что Крок даже велел подойти к ним поближе, чтобы посмотреть, много ли на них народу. Вечер был тихий, и корабли медленно сближались; на мачте первого из незнакомых кораблей был повешен перевернутый щит в знак мирных намерений; и люди Крока разговаривали с корабельщиками на расстоянии полета копья, покуда те и другие пытались сосчитать друг друга. Незнакомцы сказали, будто они из Ютландии и что идут домой после долгого плавания. С семью кораблями ходили они и в Бретань и южнее; там зимовали на острове в устье Луары до самого паводка; но потом их поразила моровая язва, и домой они ведут лишь столько кораблей, на сколько хватило людей. А насчет добычи они отвечали, что умный мореход никогда не хвалит свой груз прежде, чем не вытащит его на сушу, но будучи достаточно сильными, чтобы при встрече защитить добытое, могут сказать лишь, что никто не жалуется. Времена, конечно, уже не те, что были, но тот, кому удастся найти нетронутые места в Бретани или южнее, с лихвою возместит свои труды.

Крок спросил, нет ли у них вина или хорошего пива, чтобы обменять на свинину и вяленую рыбу; и одновременно попытался подойти к ним поближе, потому что ему сильно захотелось попробовать теперь же разом окупить все трудности путешествия. Но хёвдинг ютов немедленно выстроил свои корабли борт к борту, носами к Кроку и отвечал, что вино и пиво он придержит про свой расход.

– Но все равно милости просим, – сказал он Кроку, – у нас есть для вас другое угощение.

Крок взвешивал копье в руке и, казалось, раздумывал, что ему делать: но в этот самый миг на одном из встречных кораблей послышался шум. Видно было, как два человека схватились врукопашную у планшира, а потом так же сцепившись опрокинулись за борт. Оба ушли под воду, и один уже больше не появился; но другой на мгновение вынырнул и вновь нырнул, едва в него метнули копье с оставленного им судна. У ютов на кораблях поднялся крик, но когда кто-то из людей Крока спросил, в чем дело, ответа не последовало. Уже смеркалось, и вскоре, обменявшись с людьми Крока несколькими словами, незнакомцы снова взяли за весла, не дожидаясь, пока Крок соберется с ними сразиться. Тут Токе, сидевший рядом с Ормом на веслах по левому борту на собственном корабле Крока, крикнул своему хёвдингу:

– Поди сюда и посмотри! Мое рыбацкое счастье все прибывает! Рука вцепилась в весло Токе, другая – в весло Орма, а лицо с поверхности воды глядело на корабль. Оно было большеглазое и очень бледное, обрамленное черными волосами и черной бородой.

– Это, должно быть, отважный человек и добрый пловец, – произнес один из моряков. – Он поднырнул под корабль, чтобы уйти от ютов.

– Он, должно быть, еще и умный человек, – сказал другой, – потому что предпочел им нас.

– Он черен, как тролль, и изжелта-бледен, как мертвяк, – сказал третий, – и не похоже, что он несет нам удачу; брать такого на борт может быть опасно.

Так говорили они и за, и против этого, и многие выкрикивали разные вопросы человеку в воде; но он не двигался, вцепившись в весла, только моргал глазами и покачивался на волнах. Наконец Крок распорядился поднять его на борт; убить его можно и тут, сказал он возражающим, если это понадобится. Токе и Орм подтянули к борту свои весла и втащили человека на борт; он был смуглокож и крепко сложен, голый до пояса, а ниже прикрытый лишь каким-то тряпьем. Он шатался, едва держась на ногах, но, сжав кулак, пригрозил уходящему ютскому судну и плевал ему вслед и скрипел зубами и что-то выкрикивал; а потом от качки опрокинулся навзничь, но тотчас вскочил на ноги, простер руки к небу и закричал что-то уже другим

голосом; но слов его никто не понял. Орм всегда говорил, когда на старости лет пускался в воспоминания, что в жизни не слышал более злобного зубовного скрежета и более печального и звучного голоса, чем тот, каким незнакомец взывал тогда к небу.

Вел он себя, по общему мнению, странно; все его расспрашивали, кто он и что с ним приключилось. Он немного понимал из того, о чем его спрашивали, и отвечал несколькими бессвязными словами северных наречий; им показалось, будто они поняли, что он ют и не желает грести по субботам и оттого рассвирепел и убежал; но никакого смысла в этом никто не нашел, и иные решили, что его поразило безумие. Ему дали еды и питья; он с жадностью набросился на бобы и рыбу, но с ужасом отшатнулся от свиной солонины. Крок сказал, что он отработает свой кусок на веслах, а на рынке рабов за него можно будет получить звонкой монетой. Берсе, продолжал Крок, со своим умом, пусть попытается понять его и вызнать, что тот может дельного рассказать о тех краях, откуда он родом.

Все следующие дни Берсе сидел очень близко к чужеземцу, и они разговаривали, насколько это было возможно. Берсе был спокойный и терпеливый человек, любил поесть и владел искусством скальдов; в море он ушел от сварливой жены; он был рассудительным и многое знал, и постепенно понимал все больше из того, что говорил незнакомец. И пересказывал это Кроку и остальным.

– Он вовсе не безумен, как это может показаться, – говорил Берсе. – И он вовсе не ют, это совершенно ясно. Нет, он говорит, что он «юде» – иудей. Это такой народ на востоке, что убил человека, которого христиане называют богом. Это убийство совершено очень давно; но христиане до сих пор питают большую ненависть к иудеям за это дело и убивают их с радостью и не желают слышать ни о примирении, ни о вине за убитого. Поэтому большинство иудеев живет у кордовского халифа, потому что там не принято убивать людей из-за бога.

Берсе добавил, что и сам раньше слышал рассказы о чем-то подобном, а другие сказали, что и до них доходили такие слухи; Орм же добавил, что убитого будто бы пригвоздили к дереву, так же как сыновья Лодброка в свое время поступили с главным священником Англии. Но как можно считать его богом после того, как иудеи убили его, никто понять не мог, ведь настоящего бога человек убить не может. Потом Берсе стал рассказывать, что еще он понял из речей незнакомца: год он пробыл в рабстве у ютов и претерпел много худого, поскольку не мог грести по субботам, потому что иудейский бог гневается на всякого иудея, который что-то делает в этот день. Но юты этого не поняли, хотя он много раз пытался им объяснить; они избивали его и морили голодом, когда он отказывался грести. У них он и научился тем немногим словам нашего языка; но говоря о ютах, он клянет их на своем наречии, потому что на нашем он не знает подходящих для них слов. Он говорит, что много пролил слез и взывал к своему богу о помощи и понял, что его мольбы услышаны, когда увидел, как приближаются наши корабли, и прихватил с собой за борт человека, который его много бил. Он просил своего бога быть ему щитом и позволить, чтобы тот, другой, погиб; поэтому копье пролетело мимо и у него хватило сил поднырнуть под наш корабль; а такую силу имеет имя этого бога, что он не желает называть его при мне, как я ни пытался его заставить. Вот что он говорит о ютах и о своем побеге от них; но ему есть что рассказать и о другом, что, как ему кажется, будет нам полезно. И тут много такого, чего я не вполне могу понять.

Крок сказал, что трудно поверить, будто какой-то бог стал утруждать себя заботой о несчастном оборванце, как бы тот ни кричал, но что человек этот поступил смело и хитро; и что Берсе следует разузнать, отчего этот странный чужеземец отвергает свинину с отвращением, но в то же время жадно ест куда худшую пищу. Берсе отвечал, что, похоже, со свиной делю обстоят так же, как с субботой: иудейский бог гневается, когда иудеи едят свинину; но почему он впадает в гнев из-за таких вещей, у него, Берсе, ума не хватает. Можно только догадываться, сказал он, что этот бог сам так любит свинину, что не оставляет ни кусочка своему

народу; и все решили, что это правдоподобное объяснение и хорошо, что их боги не вмешиваются в такие вещи.

Теперь все пожелали знать, что еще может этот иудей рассказать такого, что было бы им полезно; и наконец Берсе удалось большей частью это разобрать.

– Он говорит, что он богатый человек у себя в стране, у кордовского халифа; звать его Саламан, и он серебряных дел мастер, и еще он говорит, будто он большой скальд. Его захватил в плен какой-то христианин с Севера, пришедший в его края с разбойничьим набегом. И заставил его заплатить большой выкуп, а потом продал торговцу рабами, потому что христиане неохотно держат слово, данное иудею, из-за их убитого бога. У торговца его купили купцы-корабельщики, а от них он попал к ютам, и на его беду посажен на весла в субботу. Теперь он, конечно, ненавидит этих ютов великой ненавистью; но малой она кажется против той, что питает он к христианину, обманувшему его. Это господин очень богат и живет в дне пути от моря; и он говорит, что охотно покажет нам туда дорогу, чтобы мы отняли у этого господина все, чем тот владеет, и сожгли его дом и выкололи ему глаза и отпустили его нагим на все четыре стороны. Он говорит, что богатства хватит на всех нас.

Все решили, что это лучшая новость из всех, какие им приходилось слышать в последнее время; и Саламан, сидевший подле Берсе в течение всего рассказа и внимательно следивший за тем, чтобы все его поняли, с криком вскочил с места, всем видом выражая свою радость, и простерся ниц перед Кроком и засунул клоч борода себе в рот и принялся жевать его; а потом обхватил ногу Крока и поставил себе на затылок, все время горячо говоря что-то, чего никто понять не мог. Немного успокоившись, иудей принялся подбирать известные ему слова и сказал, что хотел бы верно служить Кроку и его людям, покуда те не получают свои сокровища, а он не исполнит свою месть; но хотел бы получить клятвенное обещание, что ему самому позволят выколоть глаза тому господину. Крок и Берсе нашли его желание разумным.

На всех трех кораблях только о том и толковали, и расположение духа у всех было наилучшее; говорили, что чужестранцу самому, видно, выпала невеликая удача, если судить по тому, что он пережил, но зато куда больше счастья принес он им, а по мнению Токе, никогда не попадалось ему лучшего улова. Они были ласковы с иудеем, собрали ему кое-какой одежды и угостили пивом, хотя и самим уже оставалось не слишком много. Страна, куда он их вел, называлась Леон, и было примерно известно, где та находится: по правую руку между землями франков и владениями кордовского халифа; примерно в пяти днях парусного пути от полуострова Бретань, который уже виднелся впереди. Они вновь принесли жертву морским богам и, поймав в парусе свежий ветер, взяли курс в открытое море.

Глава 4. О том, как люди Крока прибыли во владения Рамироса и посетили стоящее место

Уже на старости лет, рассказывая о своей судьбе, Орм говорил, что ему не приходится особо жаловаться на свою жизнь у Крока, хоть и попал он в то плавание не по своей воле. Боль от удара по голове прошла очень скоро; а со спутниками он вскоре настолько сошелся, что все и думать забыли о том, что он пленник. Они вспоминали с удовольствием его отменную баранину, да и сам Орм всем пришелся по душе. Он помнил стихи разных скальдов не хуже Берсе, а от матери перенял умение произносить их, как скальд, а еще он был мастер правдоподобно рассказывать выдуманные истории, хоть и признавал, что в этом искусстве Токе его превосходит. Потому в нем ценили доброго, надежного и умелого товарища, с каким приятно проводить время долгими днями при попутном ветре, когда в веслах не было нужды.

Иные на борту сетовали, что из Бретани Крок ушел в море, даже не попытавшись раздобыть свежины; потому что пища, бывшая на борту, уже отдавала тухлятиной. Солонина прогоркла, вяленая треска заплесневела, мука слежалась, сухари зачерствели, а вода протухла;

но Крок и более опытные его люди полагали, что это отменная пища, на какую негоже жаловаться мореходу. Орм съедал свою порцию с охотой, но при этом рассказывал о разных вкусных вещах, какие едал дома. Берсе сказал, что ему видится высшая мудрость, когда на море здоровым и вкусным кажется то, что на суше, дома, не годится ни рабам, ни собакам, а разве что свиньям; не будь так предусмотрено, долгие морские путешествия были бы слишком тяжелыми.

Токе сказал, что, по его мнению, самое тяжелое – это что пиво кончилось. Он не привереда, и уверен, что сможет съесть все, что угодно, даже собственные башмаки из тюленьей кожи, но только если к ним будет доброе пиво. Для него, сказал он, никак невозможно представить себе жизнь без пива – ни на море, ни на суше; и он донимал иудея многочисленными вопросами касательно пива в той стране, куда они держали путь, но внятного ответа не получил. Он рассказывал о больших пирах и попойках, на которых бывал, и жалел, что не выпил тогда еще больше.

На другую ночь крепким ветром их отнесло в открытое море, но, к счастью, небо оставалось чистым, ведь править теперь приходилось по звездам. Кроку было боязно выходить в бескрайнее море; но бывалые моряки говорили, что если идти курсом на юг, земля всегда должна оставаться по левую руку, до самого Ньорвасунда, где парусная дорога поворачивает к Риму, лежащему посредине земли. Тем, кто плавает из Норвегии в Исландию, говорил Берсе, приходится труднее; потому что если миновать Исландию, то другой земли уже не увидишь, только пустое море без края.

Иудей разбирался в звездах и сказал, что сумеет найти верный курс; но мало чем мог помочь, потому что его звезды носили неведомые имена, а сам он страдал от качки, как и Орм. Вдвоем они перевешивались через планшир, несчастные и убежденные, что тут им и конец. Иудей много кричал на своем наречии, когда его не рвало, и Орм уговаривал его молчать, пусть ему и худо; но тот отвечал, что кричит своему богу, который в этом штормовом ветре. Орм ухватил его за шиворот и сказал, что как ему, Орму, ни худо, но сил у него хватит, чтобы выкинуть Саламана за борт, если тот еще раз крикнет, потому что на его взгляд ветра и так достаточно и не стоит призывать этого бога еще ближе.

Саламан замолчал, а наутро буря улеглась и обоим стало легче. Иудей был зелен лицом, но дружелюбно улыбнулся Орму, словно не питая к нему злобы, и указал рукой в сторону восходящего над морем солнца. Путаясь в известных ему немногих словах, он сказал, что это алые крылья утра у края моря и что бог его там. Орм отвечал, что ему сдается, что хорошо бы бог и остался подальше.

Утром вдалеке показались горы. Они подошли к берегу и не без труда нашли защищенную от ветра бухту; иудей сказал, что эти места ему незнакомы. Они вышли на берег и тут же вступили в бой с местными обитателями, плотно населявшими побережье; те вскоре обратились в бегство, и люди Крока обшарили их лачуги и вернулись с козами и прочей пищей и с двумя пленниками. Разожгли костры; все радовались, что ступили на твердую землю и скоро вновь отведают свежего жаркого. Токе изо всех сил искал пиво, но нашел только несколько мехов с вином, до того терпким и кислым, что, по его словам, кишки сводило. Поэтому он не смог выпить его один и остатки отдал, а потом весь вечер сидел в одиночестве и пел что-то грустное, роняя слезы в бороду. Берсе сказал, чтобы Токе не трогали, ибо он опасный, когда допьется до слез.

Саламан переговорил с пленниками и сказал, что это земли кастильского графа и что место, куда он ведет их, лежит дальше к западу. Крок сказал, что придется ждать, пока ветер переменится, а куда можно было бы отдохнуть тут и отъестся; но это может оказаться затруднительным, заметил он, если на них нападут сильные отряды, в то время когда ветер дует с моря, или же неприятельские суда запрут их кораблями в бухте, где они встали на якорь. Саламан тогда объяснил, как мог, что подобная опасность невелика; потому что у графа Касти-

лии едва ли найдется хоть один корабль, а чтобы собрать силы, способные нанести им ущерб, ему понадобится время. Прежде, говорил он, граф Кастильский был очень могущественным; но теперь его сильно утеснил халиф, приходится платить ему дань; ведь помимо императора Отгона в Германии и базилевса Василия в Константинополе, нет в мире владыки, равного в могуществе халифу Кордовы. На это все рассмеялись, мол, иудей говорит в меру своего разума, но не похоже, чтобы он много смыслил в таких вещах. Или он не слышал о короле Харальде Датском? Или не знает, что конунг Харальд – могущественнее их всех?

Орм был все еще слаб после морской болезни и не слишком хотел есть и решил, что серьезно заболел, поскольку вообще часто беспокоился о собственном здоровье. Он вскоре уснул у огня и спал крепко; но прямо среди ночи, когда в лагере все было тихо, пришел Токе и разбудил его. Он плакал, говоря, что Орм у него единственный друг и что теперь он споет песенку, которая только что пришла ему на ум; в ней рассказывается о двух медведях, говорил он, и научился он ей еще ребенком от матери, а песня эта самая красивая, какую он знает. Потом уселся возле Орма, утер слезы и начал петь. У Орма была такая особенность: ему очень трудно было держаться приветливо с тем, кто разбудил его посреди сна; но он ничего не сказал, а повернулся на другой бок и снова уснул.

Токе вспомнил из своей песенки немного и снова загрустил; он сказал, что просидел весь вечер один и никто к нему даже не подошел. А что Орм и не глянул на него в час печали, это ему больнее всего; потому что он всегда считал Орма своим другом, с самого первого мига, но теперь понимает, что Орм жулик и подлец, как и все в Сконе; а коли такие щенки не умеют себя вести, им полагается хорошая трепка.

С такими словами он поднялся в поисках палки; тут и Орм вполне проснулся и сел. Увидев это, Токе прицелился, чтобы дать ему пинка, но в тот же миг Орм выхватил головню из костра и швырнул тому в лицо. Уже занесший ногу для удара, Токе отшатнулся и упал на спину, но быстро поднялся, весь белый и вне себя. Орм тоже поспешно вскочил на ноги. Ясен был лунный свет; но глаза Орма от ярости полыхали алым, когда он бросился на Токе, пытавшегося вытащить меч; свой собственный Орм отстегнул и теперь не успел схватить. Токе был велик и мощен, с широкой грудью и могучими ручищами; а Орм не вошел еще в полную силу, но был достаточно силен в сравнении с прочими. Он обхватил одной рукой Токе за шею, а другой стиснул правую ладонь, чтобы не дать ему вынуть меч; но Токе крепко вцепился в его платье и, выпрямившись, швырнул Орма через плечо. Но Орм не ослабил своей хватки, хотя и почувствовал, что вот-вот сломает себе шею; он круто развернулся и, уперев колено в спину Токе, дернул его и повалил на себя. Потом, собрав все силы, вывернулся, так что Токе оказался под ним, лицом к земле. Теперь уже многие проснулись; примчался Берсе с веревкой, говоря, что подобного и следовало ожидать, раз Токе принял так много. Того уже крепко связали по рукам и ногам, несмотря на отчаянное сопротивление. И вскоре он утихомирился и крикнул Орму, что вспомнил конец той песенки; и запел, но Берсе вылил на него воды, и тот уснул.

Проснувшись на следующее утро, он принялся причитать, что связан и ничего не может вспомнить; услышав, что произошло, исполнился раскаяния и угрызения совести, что плохо поступил с Ормом, говоря, что это его несчастье – досаждать всем, когда выпьет; потому что пиво поистине делает его другим человеком, стало быть, и вино тоже. Он пожелал знать, не питает ли Орм к нему ненависти из-за случившегося. Орм отвечал, что ненависти не питает и что не отказывается от небольших потасовок и в дальнейшем, когда Токе придет в себя; но одно он, Токе, должен пообещать, а именно перестать петь; ибо песня козодоя или старой вороны на крыше хлева много лучше его колыбельных. На что Токе расхохотался и пообещал, что постарается в этом отношении исправиться; поскольку вообще-то человек он добродушный, когда бы пиво и вино не подменяли его.

Все решили, что Орм при его молодости показал себя против ожидания хорошо в этом деле, потому что у большинства подвернувшихся Токе под руку, когда у него уже дошло до

слез, оставались потом от этого тяжелые памятки; оттого Орм сильно вырос и в своих глазах и в общем мнении. После этого его и стали звать Рыжим Ормом, иначе Красным Змеем, не только из-за его рыжих волос, но и потому, что показал он себя человеком, способным ответить на резкость и которого без нужды не стоит раздражать.

Спустя несколько дней задул попутный ветер, и корабли вышли в море. Они держались подальше от берега, чтобы избежать опасных течений, и направлялись на запад вдоль владений Рамироса и наконец обогнули крайний западный мыс. Теперь они пошли на юг, вдоль отвесного, изрезанного берега, и дальше вперед через шхеры наподобие тех, что у них в Блекинге, покуда не достигли устья реки, которое и высматривал иудей. Они вошли в него с приливом и поднялись вверх по течению на веслах, покуда пороги не преградили им путь. Они высадились на берег и держали совет, и велели Саламану рассказать, какой им остается путь. Тот сказал, что здоровым и сильным людям отсюда меньше дня пути до того человека, которому он хочет отомстить – одному из маркграфов короля Рамироса, по имени Ордано – величайшего разбойника и злодея, сказал он, во всем христианском мире.

Крок и Берсе дотошно выпрашивали его о самой крепости, ее силе и местоположении и сколько там у маркграфа человек. Она стоит, отвечал Саламан, в таком крутом и скалистом месте, что войско халифа, состоящее в основном из конницы, никогда к нему не подходило и близко. Потому-то она – надежное прибежище для разбойника и заключает в себе большие богатства. Крепость выстроена из дубовых бревен и защищена земляным валом и частоколом, и стражи там до двухсот человек. Но поскольку стоит она в таком укромном месте, вряд ли, как кажется Саламану, дозор там особенно силен; стражники наверняка отправились за добычей на юг.

Крок объявил, что стража беспокоит его куда меньше, чем вал и частокол, которые могут их задержать. Кое-кто из людей сказал, что проще всего поджечь частокол; на это Берсе заметил, что если все охватит пламенем, то богатство крепости принесет им мало радости. В конце концов договорились положиться на удачу и все решить ближе к делу; сорок человек останутся у кораблей, а остальные двинуться в путь, когда спадет жара. Жребий определил, кому оставаться, поскольку всем хотелось быть поближе к долгожданным богатствам.

Осмотрев свое оружие, они затем проспали в дубовой роще самые жаркие часы; потом немного подкрепились и с наступлением вечера отряд выступил в путь; всего было сто тридцать шесть человек. Крок шел первым, вместе с иудеем и Берсе, а следом друг за другом шли остальные; у кого была кольчуга, у кого бахтерец, у большинства – меч и копье, но кое у кого – секира, и у каждого – шлем и щит. Орм шел вместе с Токе, говорившим, что неплохо размять ноги после такого долгого сидения на корабельной скамье.

Они шли сквозь дикий край, где не видно было ни человека; это порубежье между Андалусией и христианами уже с давних пор было пустынно. Они продвигались северным берегом реки, переходя вброд многочисленные ручьи; мрак сгущался, и они остановились для отдыха в ожидании восхода луны. После чего повернули на север, вверх по долине, и скоро выбрались на открытое пространство. Саламан и в самом деле оказался хорошим вожатым, и еще до рассвета они пробрались в окрестности крепости. Там они затаились в колючем кустарнике и немного передохнули, пытаясь высмотреть что было возможно в бледном свете луны. Они несколько пали духом при виде палисада из мощных стволов в два человеческих роста; а ворота, недавно построенные, казались на вид очень прочными.

Крок сказал, что, верно, нелегко будет подпалить такие дрова, а без помощи огня брать такую крепость ему бы очень не хотелось; но похоже, другого выхода нет: придется притащить хвороста, сложить под палисадом, поджечь и надеяться, что сгорит не все. Он спросил, не может ли Берсе предложить чего-нибудь получше; но Берсе замотал головой и вздохнул, сказав, что ничего лучше ему в голову не приходит, хотя и затея с огнем ему тоже не очень нра-

вится. Саламан сказал, что тоже не знает лучшего средства, но будет рад увидеть, как сгорит тот вероломный, хоть сам он и надеялся на лучшую месть.

Токе подполз к Кроку и Берсе и спросил, чего они ждут: у него горло пересохло, и чем раньше они начнут штурм, тем быстрее найдут что-нибудь выпить. Крок сказал, что трудность только в том, чтобы войти внутрь. Токе сказал, что будь у него пять копий, он бы, как ему кажется, сумел доказать, что покуда годится на большее, нежели сидеть на веслах и пить пиво. Они пожелали узнать, что он задумал; но тот отвечал только, что рассчитывает проложить для них дорогу в крепость, если все получится как надо, и что владельцы копий пусть будут готовы к тому, что древки потом придется делать новые. Берсе, давно знавший его, сказал, чтобы копия ему дали. Так и сделали, и Токе отрубил большую часть древка, так что возле железного наконечника оставалась лишь рукоять не длиннее локтя. Сделав это, он сказал, что теперь готов; и они с Кроком осторожно поползли к валу, прячась среди камней и кустарников, а за ними – несколько отобранных им людей. Было слышно, как в крепости прокукарекали петухи, а в остальном все оставалось тихо и неподвижно.

Напротив ворот они вползли на вал. У самого частокола Токе выпрямился; в добром локте от земли он воткнул наконечник копья между двух бревен и вбил его поглубже и надавил на обрубок древка изо всех сил, чтобы оно держалось как можно надежнее. Чуть выше, в соседнюю щель между бревнами он протиснул другой наконечник; когда же, наконец, бесшумно укрепил оба, то влез на обе рукояти и вбил третий, повыше двух первых. Но надежно закрепить его было невозможно, во всяком случае стоя там, где он стоял, и не подымая шума; и Крок, увидевший теперь, в чем его план, знаком велел Токе спуститься и сказал, что без молотка теперь не обойтись; хотя бы даже и пришлось потревожить спящих в крепости. Поэтому он взял оставшиеся обрубки копий и встал вместо Токе на две уже крепко вбитые ступеньки; он вбил третью двумя ударами обуха своей секиры, потом таким же образом и четвертую, и пятую – каждая выше предыдущей и наискось. Потом он взошел по ним, проверяя, крепко ли те держатся, и добрался до самого верха частокола.

В тот же миг внутри крепости поднялся шум и крики; громко затрубили рога; но остальные последовали за Кроком и со всей возможной быстротой вскарабкались по лестнице Токе. Изнутри вдоль палисада шел помост для лучников; Крок и его спутники спрыгнули на помост и зарубили нескольких человек, спросонок выскочивших им навстречу с луками и копьями. Тогда полетели стрелы снизу, и некоторые попали в цель; но Крок с остальными помчались по помосту к воротам, дабы как можно скорее распахнуть их, чтобы мог войти весь отряд. Тут был тяжелый бой, поскольку сюда уже подросло много защитников, и каждый миг подбегали все новые. Один из двадцати спутников Крока повис на гребне частокола со стрелой в глазу, в трех других стрелы уложили на помосте; но все спрыгнувшие наземь сбились вместе и с боевым кличем, с мечами и копьями ворвались в проход, ведущий к воротам, в котором было темно и тесно, потому что враг был у них теперь и спереди, и сзади.

Снаружи донесся ответный клич, оставшиеся там бросились к валу, поняв, что попытка удалась; многие принялись рубить ворота секирами, покуда другие карабкались по лестнице Токе и поспешали на подмогу в проход к воротам. Бой там шел беспорядочно, свои и чужие перемешались между собой; Крок секирой уложил нескольких, но сам получил палицей по темени от высокого человека с черной, заплетенной в косу бородой, на вид предводителя; шлем выдержал, но Крок пошатнулся и упал на колени. В толчее людей и щитов, где копьем делать было уже нечего и где ноги скользили в крови, Токе с Ормом и еще несколько человек пробились наконец к воротам и увидели, что засовы сбиты, а те из врагов, что не успели скрыться, разрублены мечом или секирой.

Тут на христиан напал большой страх, и они бежали, спасаясь от смерти. Саламан, бывший в числе тех, кто первым пробился через ворота, ринулся вперед, как одержимый, спотыкаясь об убитых, и, подобрав с земли меч, поднял его над головой и истошно закричал, чтобы

все скорее поспешили в замок; и Крок, который все еще не мог держаться на ногах, оглушенный ударом, кричал то же, лежа у воротного прохода. Некоторые бросались в лачуги позади вала, чтобы утолить свою жажду или в поисках женщин; но большинство следом за убегающими мчалось к большому замку посреди крепости, где в воротах уже толпились беглецы. Преследователи ворвались туда одновременно с ними, чтобы не дать запереть ворота, и тут снова был бой и отступающим пришлось обороняться. Высокий воин с заплетенной бородой храбро сражался и уложил двоих, подступивших к нему, но был оттеснен в угол и сам упал от удара, тяжело раненый. Саламан, пробравшись к упавшему, схватил его за бороду, плевал ему в лицо и кричал; но не было похоже, чтобы тот много понял, только задрожал, заморгал глазами и умер.

Саламан разразился причитаниями, что не смог вполне отомстить и не сумел сразить врага собственноручно; а оставшиеся христиане, видя, что их предводитель пал, прекратили сопротивление. Иным из них оставили жизнь, поскольку они могли еще пригодиться; победителям же досталось немало пищи и питья, и вина, и пива. Потом принялись осматривать крепость в поисках добычи; и начались распри из-за женщин, спрятавшихся в укромных углах, потому что люди Крока долго были без женщин. Всю добычу складывали вместе – монеты, украшения, оружие, одежду, дорогие ткани, панцири, утварь, упряжь, серебряные блюда и прочее; и когда собрали, оказалось куда больше, чем рассчитывали; потому что тут, сказал Саламан, накоплено добычи за многие годы разбоя в Андалусии. Крок, теперь уже вставший на ноги и обмотавший голову тряпичей, смоченной в вине, радовался этому зрелищу, но опасался, что будет нелегко увезти все это на кораблях; но Берсе полагал, что все следует забрать с собой.

– Потому что никто, – сказал он, – не жалуется на тяжесть поклажи, когда это его собственная добыча.

Они наслаждались весь день, в большом довольстве от захваченного, а после спали; ночью же отправились назад к кораблям. Все пленные тащили тяжелую поклажу, да и самим победителям тоже было что нести. Несколько пленников-андалусцев оказались в подземельях крепости; они плакали от радости, что их освободили, но вид имели жалкий и не могли нести много. Они получили свободу и тоже последовали вместе со всеми, чтобы во главе с Саламаном продолжить путь на юг, в их родные края. Было захвачено несколько ослов, и Крок, усевшись на одного из них, ехал впереди поезда, волоча ноги по земле. Следом вели других, груженных провизией и пивом; бремя их быстро легчало, поскольку все то и дело останавливались освежиться.

Берсе пытался поторопить их. Он опасался преследования, потому что кое-кто из людей в крепости бежал и теперь уже мог успеть добраться далеко и позвать на помощь; но остальные спутники были веселы, полупьяны и не слишком обеспокоились его словами. Орм нес штуку шелка, бронзовое зеркало и большой стеклянный сосуд, причинявший ему немало хлопот; Токе тащил на плече большой деревянный ларец с красивыми накладками, полный множества вещей, и вел девицу, пришедшуюся ему по вкусу, которую рассчитывал придержать для себя сколько сможет. Он очень смеялся и говорил Орму, что надеется, что она дочка маркграфа, а потом загрустил, подумав, что для нее может не хватить места на корабле. Он едва держался на ногах от выпитого; но девушка, казалось, уже принялась о нем заботиться и поддерживала его, когда он спотыкался. Она была высока ростом и очень молода; и Орм сказал, что редко ему случалось видеть таких красивых и что всякий бы желал себе такой же удачи в женщинах, как у Токе. Но Токе отвечал, что хоть они и добрые друзья, но поделить девицу с Ормом он не может, потому как уж очень она ему по нраву и хотелось бы сохранить ее для себя, если получится.

Они вернулись к кораблям, и велика была радость оставшихся там, когда они увидели богатую добычу; потому что ее полагалось делить между всеми. Саламан, получив немалую благодарность и много подарков, отправился дальше вместе с освобожденными пленниками; он старался побыстрее отойти как можно дальше от границы христианских земель. Токе,

непрестанно пивший, заплакал, узнав, что Саламан уходит, и сказал, что теперь некому помочь ему переговорить с девицей. Но Орм и другие, к счастью, сумели его успокоить, не прибегая к силе; и он заснул возле девушки, которую накрепко привязал к себе, чтобы та не убежала и не была украдена другими, пока он спит.

На другое утро начался дележ добычи, что было делом непростым. Всем полагалось равная доля; но Кроку, Берсе и кормщикам и еще некоторым – в три раза больше; и хотя наиболее рассудительные признали такой раздел справедливым, трудно было удовлетворить всех. Берсе сказал, что поскольку в большой мере взятием крепости они обязаны Токе, то пусть и ему достанется тройная доля; и все нашли это правильным. Но сам Токе сказал, что с него достанет и равной со всеми доли, если взамен ему позволят взять на борт девицу и держать ее при себе.

– Потому что я желал бы увезти ее домой, – сказал он, – хоть я и не уверен, что она графская дочка. Мы с ней уже хорошо поладили, а то ли еще будет, когда мы сможем понимать друг друга и она выучит наш язык.

Берсе сказал, что на такое преимущество Токе лучше не рассчитывать, а Крок добавил, что корабли настолько перегружены из-за добычи, что даже если вычесть одиннадцать погибших, девице вряд ли найдется место на борту: скорее всего придется бросить даже часть добычи меньшей ценности.

Тут Токе выпрямился и посадил девушку себе на плечо и просил всех, чтобы поглядели только, до чего она пригожая и ладная.

– По-моему, она может стать желанной для многих, – сказал! он. – И ежели есть тут такие, кто ее очень сильно жаждет, то я буду с ним немедля драться на чем ему угодно, хоть на секирах, хоть на мечях. Кто победит, получает девицу; а кто погибнет, облегчит корабль на больший вес, нежели ее собственный: и таким образом я все же смогу увезти ее с собой.

Девушка вцепилась одной рукой в бороду Токе и покраснела и взбрыкнула ногами и прикрыла другой ладонью глаза, но тут же отняла ладонь и казалась даже довольной, что все на нее уставились; и все решили, что предложение Токе хитро придумано. Но драться никто не пожелал, несмотря на всю красоту девицы, потому что Токе все любили и к тому же побаивались его силы и искусного владения оружием.

После того как все награбленное было поделено и погружено, решено было, что Токе с девушкой поплывут на корабле Крока, хоть тот и так сильноотяжелен; Токе заслужил эту награду тем, что совершил при взятии крепости. Теперь держали совет о том, как добираться домой; договорились идти обратным путем вдоль побережья, если их к тому вынудит погода, но лучше все же попытаться добраться до Ирландии, чтобы плыть домой в обход островов скоттов; потому что с таким грузом рискованно пробираться тесным фарватером, где только и жди встреч.

Потом они поели и выпили сколько могли, потому что еды и питья было теперь вдоволь и кое-что даже пришлось оставить; и все шутили и радовались и рассказывали друг другу, что они купят, когда вернутся. Потом отчалили и пошли на веслах вниз по реке. Крок уже несколько оправился после удара; но хёвдинги двух других судов пали у крепости, и Берсе принял командование своим кораблем. Токе и Орм сидели на веслах на корабле Крока, как и прежде, и было им легко, поскольку шли по течению; Токе все поглядывал на девицу, по большей части сидевшую у его ног, и следил, чтобы никто не приближался к ней без надобности.

Глава 5. О том, как Кракова удача дважды переменилась, а Орм сделался левшой

Они спустились по реке с отливом и принесли мех вина и котел мяса в жертву за счастливое возвращение; потом взяли за весла, поставили парус и, поймав слабый ветер, двинулись вдоль длинного залива. Тяжело груженные корабли глубоко сидели в воде и продвигались

вперед медленно; Крок сказал, что теперь, верно, придется грести так, чтобы руки помнили, до самых родных берегов. Эти слова вспоминал Орм на старости лет, были самые несчастливые из всех какие ему приходилось слышать; потому что они порушили Крокову удачу, благоволившую к ним всю поездку; словно кто-то из богов услышал их и сделал так, что они сбылись.

Семь кораблей показалось с юга, из-за мыса, они шли на север, но завернули в залив, заведя корабли Крока, и стали поспешно приближаться на веслах. То были совсем не такие судна, какие люди Крока видели до сих пор: длинные и легкие на ходу. На них было полно вооруженных людей с черными бородами и с платками и подвесками на шлемах; а гребцы на веслах, по двое на каждом, были наги, и черные тела их блестели. Корабли правили прямо навстречу под пронзительные крики и резкий грохот маленьких барабанов.

Кроковы драккары выстроились борт к борту, прижимаясь к берегу, чтобы не оказаться в окружении. Но убирать паруса Крок не велел: если задует ветер, то они придутся к стати. Токе поспешил запрятать свою женщину между тюков с добычей и хорошенько прикрыл ее от стрел и копий. Орм помогал ему, а после оба встали у борта вместе с остальными. Орм был теперь хорошо вооружен; в крепости он раздобыл кольчугу, щит и отменный шлем. Один из спутников, стоящий рядом, спросил, не христиане ли то приближаются, чтобы отомстить; но Орм счел их скорее людьми халифа, поскольку у них не было креста ни на щитах, ни на знамени. Токе сказал, что славно вступать в битву, уже утолив жажду, потому что, похоже, придется жарко.

– А кто переживет эту битву, тому будет что рассказать; видно, люди это ражие и их много больше, чем нас.

Чужаки подошли близко и пустили тучу стрел; они искусно гребли, окружая корабли и нападая со всех сторон, откуда возможно. Корабль, которым командовал Берсе, стоял ближе всех к берегу, так что к нему невозможно было подойти; но зато собственный корабль Крока стоял крайним справа и там завязался жестокий бой. Два судна противника встали бортами к его внешнему борту, одно впереди другого; они соединились между собой цепями с железными крючьями, и люди с ревом ринулись с дальнего корабля на ближний и оттуда на абордаж. Они нападали с большим перевесом, полные ярости, и хорошо управлялись с оружием; а Кроков драккар был сильно перегружен и чуть отстал от двух остальных, и третий корабль противника зашел к нему с другого борта и уже цеплялся крючьями. Тем временем в ходе боя корабль Берсе и третий, относимые течением из залива, были окружены четырьмя вражескими ладьями, так что на них тоже было чем заняться, пока Кроково судно билось с тремя. Поднялся ветер, и оба корабля Берсе стали удаляться под гром битвы на борту, оставляя за собой на воде кровавый след.

У людей на драккаре Крока немного было времени раздумывать о кораблях Берсе и что с ними будет, поскольку каждому хватало дела с врагами, нападавшими на них самих. Тех же так много шагнуло одновременно через планшир, что судно накренилось и едва не затонуло; и хотя многие из нападавших были убиты и попадали кто в воду, кто обратно на свой корабль, их покуда оставалось еще достаточно, и много еще наступало следом с обоих бортов. Крок бился отважно, и тем, кто с ним встречался, сказать уже было нечего; но вскоре и он увидел, что перевес противника слишком велик. Тогда он отбросил щит, перескочил через планшир, размахнулся секирой обеими руками и перерубил две цепи, удерживающие корабли рядом; но один из упавших врагов схватил его за ногу, и в тот же миг удар копья пришелся Кроку между лопаток, и он рухнул ничком на вражескую палубу, где на него накинудись и связали.

И пали многие из людей Крока, обороняясь из последних сил, и под конец все были истреблены, кроме нескольких, столпившихся в носовой части корабля; Токе и Орм были в их числе. Токе был ранен стрелой в бедро, но на ногах держался; у Орма же лоб был рассечен мечом, и он плохо видел, оттого что кровь заливала глаза. Оба очень устали. Меч Токе сломался от удара о наверхье щита; он наклонился и обнаружил бочонок с пивом, который захватил

в крепости и хранил на носу корабля. Отбросив обломок меча, он схватил бочонок обеими руками и поднял его над головой.

– Он согдится еще кое на что, – сказал Токе и швырнул бочонок в ближайших врагов, так что двоих расплющило, а еще многих опрокинуло за борт.

И крикнув Орму и остальным, что больше им тут делать нечего, он прыгнул вниз головой в воду, чтобы попытаться добраться вплавь до берега. За ним попрыгали Орм и остальные, все, кто смог вырваться от врагов. В них полетели стрелы и копья, и несколько угодило в цель. Орм нырнул и поплыл. В старости он говаривал, что мало найдется вещей тяжелее, чем плыть в кольчуге, когда сам ты устал, а кольчуга мала. Скоро и Орм и Токе выбились из сил и уже было пошли ко дну; одно из вражеских судов подошло к ним, и им ничего не оставалось, кроме как дать себя вытащить из воды.

Чужаки победили и теперь плыли к берегу, чтобы осмотреть добычу и похоронить своих погибших. Они перебрались на захваченный корабль, побросали убитых в море и принялись рыться в его грузе; пленников свели на берег и посадили на землю со связанными руками и под надежной охраной; их всего было девятéro, и все раненые. Викинги ждали, что их убьют, и молча сидели, глядя на море; нигде не видно было ни драккаров Берсе, ни судов противника, исчезнувших с ними вместе.

Токе вздохнул и принялся бормотать себе под нос; потом он сказал:

Бросил я средь брани
бражну влагу, в жажде,
выпью скоро вволю
Одинова меда.

Орм лежал на спине, глядя в небо. Он сказал:

По мне так сидел бы я
в доме родимом,
пахту хлебал бы
и хлебом закусывал.

Крок был самым печальным, поскольку всю дорогу он считал себя удачником и героем, и вот у него на глазах его удача переломилась; он видел, как швыряют за борт павших, и сказал:

Морепахари
с пашни подвига
жнива не сжали —
безжалостна смерть.

Токе сказал, что это даже больше, чем он мог предположить – чтобы в одной компании оказалось сразу трое скальдов.

– И даже если окажется, – сказал он Орму и Кроку, – что вы оба не так охочи складывать строки, как я, остается утешенье и вам – что скальды пьют из самого большого рога на пиру у богов.

Тут послышался крик, и на Кроковом корабле поднялся шум, потому что победители нашли убежище девицы. Они сошли с ней на берег и, похоже, принялись сердиться из-за того, кому она достанется, потому что много народу собралось вокруг нее, и все хрипло каркали, задирая черные бороды. Токе сказал:

– Вот воронье дерется из-за куропатки, когда у ястреба подбито крыло.

Девушку подвели к предводителю чужеземцев; это был мужчина дородный, с проседью в бороде и золотыми кольцами в ушах; на нем была красная мантия, а в руках он держал серебряный молот на длинной белой рукояти. Оглядев девушку, он погладил бороду; потом обратился к ней, и было видно, что они понимают друг друга. Девушке пришлось что-то рассказать, и несколько раз она указывала в сторону пленников; но на какой-то его вопрос, когда и он тоже указал на них, она в ответ развела руками и покачала головой. Предводитель кивнул; потом он приказал ей что-то, подчиняться чему она, казалось, имела малую охоту, потому что простерла руки к небу и закричала; но когда он суровым голосом снова заговорил с ней, она покорилась, разделась и предстала перед ними обнаженной. Все вокруг вздыхали и теребили бороды, и потрясенные, что-то бормотали, потому что она была очень красива, с головы до пят. Предводитель велел ей повернуться спиной и внимательно осмотрел ее; он коснулся ее волос, длинных и каштановых, и пощупал ее кожу; потом выпрямился и прижал свой перстень с печатью, который носил на указательном пальце, к ее животу, груди и губам; и сказав нечто своим людям, снял с себя алую мантию и набросил девушке на плечи. Услышав его слова, все приложили ладонь ко лбу, почтительно бормоча, и склонились в поклоне. Девушка снова оделась, но осталась в мантии; ей подали еду и питье, и все глядели на нее с благоговением.

Пленные молча сидели и смотрели; и когда уже дошло до того, что девушке отдали мантию и предложили еду и питье, Орм сказал, что у нее, похоже, самая большая удача из всех, кто плыл на Кроковом корабле. Токе согласился с ним, сказав, что тяжело ему впервые увидеть ее во всей красе теперь, когда она уже во власти другого; ибо время оказалось слишком коротко, а спешка чересчур велика; теперь ему плакать хочется оттого, что никогда уже не расколоть ему череп этому сивобородому толстопузу, который ее шупал.

– На одно я надеюсь, – добавил он, – что старикашка получит от нее слабое удовольствие; потому что я сразу же понял, какая она благородная и разумная, хоть мы и не могли говорить друг с другом; потому что она наверняка сама сообразит воткнуть нож в тушу этого старого козла.

Крок сидел безмолвный, удрученный своей судьбой, повернувшись к морю, и не замечал ничего творившегося на берегу; вдруг он вскрикнул, и чужеземцы мигом всполошились, потому что четыре ладьи вошли в залив; то были корабли, напавшие на Берсе. Шли они медленно, и вскоре стало видно, что один из них глубоко сидит в воде и поврежден; один планшир глубоко вдавлен посредине, и много весел сломано.

Хотя пленники были опечалены собственным невезеньем, измучены ранами и терзаемы жаждой, они чуть не рассмеялись при виде этого судна. Они сразу поняли, что одному из кораблей Берсе удалось его протаранить, когда в открытом море поднялся сильный ветер, и что враги прекратили бой, когда у них осталось только три исправных судна, и пошли назад. Кое-кто даже предположил, что Берсе вернется и спасет их. Но Крок сказал:

– Он потерял много людей, ибо враги были уже у него на борту, так что обе руки были заняты, когда я видел его в последний раз. И ему легко было понять, что не многие из нас остались бы в живых, ведь он так и не увидел, чтобы наш корабль выходил из залива. Так что скорее он попытается добраться домой, с обоими кораблями или с одним, если народу не хватит на два. И если он доберется до дома хотя бы с одним, то повесть о походе Крока будет рассказана и останется жить в Листере. Но нас теперь непременно убьют, с досады, что два других наших корабля ушли.

Что до этого, то пророчество Крока не сбылось, потому что наконец им дали воды и пищи и осмотрели их раны. Тут они поняли, что станут рабами; кто-то счел эту участь лучшей, нежели смерть, но иные уgomонились, есть ли что-либо хуже этого. Предводитель чужеземцев приказал рабам-гребцам сойти на берег и поговорить с пленными; те, казалось, были самых разных племен и перепробовали множество наречий; но никто из них не знал языка, какой бы поняли люди Крока. Чужеземцы задержались тут еще на два дня и починили поврежденный корабль.

На этом судне многие гребцы погибли, когда его протаранил драккар Берсе, и их место заняли пленники. К гребле они были привычны, и поначалу работа показалась им совсем не тяжелой, поскольку на одном весле сидело по два гребца. Но грести они должны были почти голыми, что поначалу казалось им великим срамом, и у каждого одна нога была прикована к цепи. Сперва они выделялись среди всех своей белой кожей, она лопалась у них на спинах от солнца, и каждый восход означал для них начало новой пытки. Но спустя некоторое время спины их задубели, и они забыли счет дням и не знали иного, кроме весел и сна, и голода, и жажды насыщения, и весел снова и снова. Наконец дошли они до того, что, измученные необычайно тяжким трудом, выучились засыпать на веслах, продолжая грести вместе с остальными и притом не выбиваясь из общего ритма и не попадая под бич надсмотрщика. Так они сделались вполне годными галерными рабами.

Они гребли в зной и в проливной дождь, порой в чудесную прохладу, но в холод никогда. Они были рабы халифа, но мало знали о том, куда гребут и чему служат. Они шли вдоль отвесных берегов и богатых долин и с тяжким трудом подымались по широким рекам с сильным течением; они видели по берегам мужчин, коричневых или черных, и порой поодаль женщинах в покрывалах; они прошли Ньорвасунд и достигли пределов, до которых простирается власть халифа, и видели богатые острова и прекрасные города, которые для них оставались безымянными. Они заходили в большие гавани, где их запирали в клеть для рабов, пока не приходила пора снова грести; они гребли что есть сил, преследуя чужие корабли, так что сердце готово было разорваться, и задыхаясь падали ничком при abordage, видеть которого не могли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.